

ДВА ПИСЬМА Б.М. ЗУБАКИНА В.И. ИВАНОВУ

Публикация Стефано Гардзонио

В первые десятилетия нынешнего столетия Италия часто оказывалась центром литературных контактов между русскими писателями. Это объясняется, с одной стороны, традиционной тягой русской интеллигенции к художественным и природным сокровищам средиземноморского полуострова, с другой — присутствием в Италии на постоянном жительстве в разное время и на разных основаниях первостепенных русских писателей, таких, как М.Горький, Вячеслав Иванов или Амфитеатров. Общеизвестно настоящее паломничество в течение многих лет русских поэтов и литераторов на Капри и в Сорренто к Горькому из России, из СССР, из эмиграции.

Из Советской России приезжал к Горькому и Борис Михайлович Зубакин (1894—1938), любопытная фигура в послереволюционной России, ученый-археолог, мистик и версификатор. Родился он и учился в Петербурге. Среди его соучеников по 12 Петербургской гимназии были В.Н.Волошинов и Вл.Пяст. Уже в юности Зубакин приобщился к истории и археологии. Позже он стал профессором Московского археологического института. В 1916—1921 гг. Зубакин оказался в Невеле, сначала на военной службе. Здесь он общался с М.М. Бахтиным, Л.В.Пумпянским, М.И. Каганом и др.¹. В последующие годы жил в Москве.

Еще с детства Зубакин увлекался вопросами мистики, каббалы и гипноза, изучал ритуалы масонов и оккультные науки. Со своими товарищами по гимназии организовал кружок «духовных рыцарей», потом в качестве ученика А.К.Кордига² стал возглавлять нерегулярную масонскую ложу ордена розенкрейцеров «Lux astralis». Свою деятельность он продолжал в Невеле, в Смоленске и в Москве, где и после роспуска ложи продолжил занятия оккультизмом и алхимией. В Москве Зубакин стал завсегдатаем

Данная заметка учитывает ряд материалов, приготовленных А.И.Немировским и Л.С.Ильиной и находящихся сейчас в печати; автор выражает коллегам глубокую признательность за возможность знакомства с этими материалами. Письма Зубакина В.И.Иванову любезно предоставлены публикатору Д.В.Ивановым. Хранятся они в римском архиве поэта.

«Никитинских субботников», где, среди прочего, читал лекции о Блоке и о проблеме смеха¹. В литературе Зубакин утвердился как поэт-импровизатор, прежде всего при содействии В. Брюсова. Об этой стороне его деятельности критически отзывался Андрей Белый⁴. Зубакин печатался в сборниках московских поэтических кружков⁵. В 1924 году организовал «Содружество поэтов-визионистов». Особенно дружил с И. С. Рукавишниковым и Вл. Пястом. В 1922 году он познакомился с А. И. Цветаевой, которая записывала его лекции и стихи. Вел корреспонденцию с М. Горьким, Брюсовым, Вересаевым, А. Виноградовым, С. Скитальцем и т. д. В связи с его масонской деятельностью Зубакин оказался под следствием ОГПУ уже в 1923 году.

После поездки в Сорренто вместе с А. И. Цветаевой в августе-сентябре 1927 года⁶, когда давнее заочное знакомство с Горьким завершилось личной встречей, Зубакин выпустил свой единственный сборник стихов «Медведь на бульваре». В том же году он был арестован ГПУ и отправлен в ссылку в Архангельск. Там вернулся к своим занятиям археологией и написал книгу о Холмогорской резьбе (1931). Другую его работу — о Ломоносове и его значении в последующей русской поэзии (1932) — надо считать утраченной. Благодаря хлопотам Вересаева Зубакин вернулся из ссылки, но без московской прописки. В последние годы жизни общался, среди прочих, с Скитальцем, с вдовой Брюсова (он написал любопытное окончание неоконченного романа В. Я. Брюсова «Юпитер поверженный»⁷), переписывался с К. Гамсуном. В 1937 году Зубакин был арестован опять и исчез в сталинских лагерях.

Переписка с Горьким занимает видное место в литературном наследии Б. М. Зубакина. Недавно она была частично напечатана А. И. Немировским в журнале «Новый мир»⁸. Зубакин вместе с А. И. Цветаевой некоторое время пробыл у Горького в Сорренто, однако скоро последовал бурный разрыв, настоящая ссора, и Зубакин вернулся в Россию. Именно к этому периоду относятся ниже печатаемые письма Зубакина к В. И. Иванову. Ответы Иванова Зубакину пока не разысканы. Интересно заметить, что в первом письме Зубакин обращается к Иванову на «ты», а во втором, вероятно, в связи с ответом Иванова, переходит на «вы». О своей переписке с В. И. Ивановым во время поездки в Италию Зубакин сообщил А. К. Виноградову (РГАЛИ, фонд Виноградова). Зубакин и Иванов были уже знакомы в России; они встречались в Москве сразу после возвращения Иванова из Баку. В своей автобиографии, написанной для «Никитинских субботников», Зубакин писал, что «за ценные указания по изучению некоторых мест библии» он был обязан В. Иванову (отдел рукописей Литературного музея).

В письмах Зубакина проявляются черты гениальности и чудачества, чуть ли не на грани графоманства. Его стихи — частично они вошли позже, в других редакциях, в его сборник «Медведь на бульваре» — свидетельство искреннего духовного и человеческого чувства при посредственном поэтическом даровании. Они не выходят из общего руслу эпигонов русского религиозного символизма. В частности, по своему строению они относятся к линии «напевных стихов» на манер позднего Рукавишникова.

- 1 О деятельности невелинского кружка см. вступительную заметку Н. И. Николаева (с. 221—232) к записям Л. В. Пумпянского лекций М. М. Бахтина в кн.: М. М. Бахтин как философ. М., 1992; Каган Ю. М. О старых бумагах из семейного архива (М. М. Бахтин и М. И. Каган). — «Память. Исторический сборник», вып. 4, Париж, 1981, переиздано в ж. «Диалог. Карнавал. Хронотоп», 1992, № 1, с. 60—88. Здесь о Зубакине, «талантливом поэте и скульпторе», читаем: «В Неделе был дружен с Бахтиным и Каганом, которые любили его стихи. В 70-е гг., вспоминая о Зубакине, Бахтин многие из них читал на память» (стр. 79).
- 2 Александру Каспаровичу фон Кордигу, петербургскому ясновидцу и астрологу, служащему аптекарской фирмы «Шталь и Шмидт», посвящена сказка-новелла

- А.И.Цветаевой «Лесной ученый» (1928?), недавно напечатанная в журнале «Диалог. Карнавал. Хронотоп», 1993, № 3, с 87—91 (публикация С.А.Айдиняна).
- 3 По свидетельству И.Н.Розанова, 15 ноября 1924 года Зубакин выступал со чтением на заседании, посвященном памяти Брюсова (ср. *Розанов И.Н. Встречи с Брюсовым*. — «Литературное наследство», т.85, М., 1976, с. 760).
 - 4 А.Белый пишет: «Даже гении-импровизаторы мне неприятны: низать на какое угодно задание какими хотите размерами — то же, что силу бицепсов испробовать над... мандолиною; слушал Зубакина, импровизатора: жарит-то как! Ни единого слова живого: пошлятина дохлая!» (*Белый А.* Начало века. М., 1990, с.240).
 - 5 См., например, «Первый сборник стихов Московского Цеха поэтов» (Москва, 1925), с предисловием А.В.Луначарского и С.М.Городецкого, где Зубакин напечатал послание «Брюсову» и лирическое стихотворение «Беатриче».
 - 6 О своей поездке в Италию и встрече с Горьким А.И. Цветаева пишет в своих мемуарах (*Цветаева А.И.* Воспоминания. М., 1983. Глава «Поездка к Горькому. Встреча с Мариной»), но о Зубакине молчит. О своих отношениях с Зубакиным она подробно рассказывает в неопубликованной рукописи «К переписке А.М.Горького и Б.М.Зубакина» (Архив М.Горького, ИМЛИ).
 - 7 См. *Брюсов В.Я.* Собрание сочинений, т. 5, М., 1975, с. 669 (статья М.Л.Гаспарова «Юпитер поверженный»).
 - 8 Имеется в виду публикация: *Борис Зубакин.* Стихи и письма. Вступительная статья, публикация писем и примечания А.И.Немировского. — «Новый мир», 1992, № 7, с. 91—116. Поездке в Италию предшествовала интенсивная переписка между двумя писателями (20 писем Зубакина, 11 писем Горького). См. *Немировский А.И., Ильинская Л.С.* Борис Зубакин. Новые материалы к истории масонства в России. 1917—1937 — *Russica Romana* (в печати).

1

In nomine Domini*

12 VIII 27.
Sorrento.

Дорогой и драгоценный-нежно
Вячеслав Иванович.

Волею Судеб я временно нахожусь в Италии. Вырвался я с трудом (три раза запрещали выезд) с помощью друзей. Не писал Тебе по понятным причинам. Перед предстоящим мне отъездом из Италии, — непременно хочу переслать Тебе одну милую вещь: камею-печать с изображением Данте. Она очень мила и создана была для Тебя. Я долго ее хранил. Советую слегка смачивать маслом прежде чем делать оттиск. Я перешлю ее немедленно по указанию Тобой точного адреса для посылки (опасаюсь, не пропадет ли, при адресе, кот<орым> я сейчас располагаю от А.И.Цветаевой?). Так как Ты не знаешь моих стихов, а ими легче прозы — сказаться душа душе, — то посылаю несколько строчек. Прости за них и не осуди сурово. Все это время я молился за Тебя, Твоего сына и дочь, чтоб Вы были счастливы в Боге и душою и сердцем.

Борис Зубакин.

Мой адрес: *Sorrento*. Massimo Gorki. Per prof. Zubakin.

* Во Имя Господне (лат.)

ОДИНОЧЕСТВО

Высокое Зодчество
Для грядущих лет
Твое одиночество —
Твой путь, поэт!
Ты каждый камень отметишь на пути
— Куда положить, и где найти.
А если розы не все сочтешь, —
Зато запомнишь в колосьях рожь.
А если милой ответишь: «Нет», —
Ты — чуешь встречу грядущих лет!

ИМПРОВИЗАЦИЯ

Танцую по ночам,
Танцую до упаду.
Спадают по плечам
Напева водопады!
Но шепчут все вокруг,
Что им... не видно пары.
Что я один сам-друг
Пляшу в ночных утарах!
Неправда! — В час ночной
Под звуки роковые
Вальсирует со мной
Моя Неврастения.
Вот — вышла из стены,
Вот — подплыла сторонкой,
То в буклях старины,
То бешеной девчонкой!
Вот — панночкой плывет
Из гоголевской ночи,
И мертвенно взведет
Русалочные очи!
Как кобра на хвосте, —
С зелеными глазами
Мелькает в темноте
И ворожит кругами.
Я поклонюсь. она
Оплечь мне вскинет руки —
И вот, — нас бьет волна
Под дьявольские звуки!..
О, страшный этот пляс,
И жуткий, и привычный,
Что сочетает нас
Тоской сомнамбуличной...
Но чаще, чаще — вот —
Она приходит в белом,
И сердце в плен берет
Так льстиво, так умело!
Как траурно лицо!
Как дышат смертью груди,
Как на руке кольцо
Воспоминанья будит! —
Вновь Лебедь — Лада-Русь,
Вновь первый в склеког чувства! —
Вскружусь за ней, взметнусь,
Но оглянусь... — все пусто...

СПАСИТЕЛЬ *

Какой прекрасный юный Бог
Рождался в Вифлееме!
И золотой Единорог
На лунной плыл триreme...
Из роши выбежал сатир
И выманил — дриаду
Смотреть, как шла, сияя, в мир
Звезда через Элладу,
И, пригибая старый лавр,
Гремел навстречу Богу
Из леса скачущий кентавр
На лунную дорогу, —
И, побледнев в предвестьи дней
Искупленных агоний,
Адонис поднял из ветвей
Пронзенные ладони...
Идут Волхвы из дальних стран,
И, не боясь погони,
Скользит воздушный караван —
Верблюды, мулы, кони,
Три белых высятся чалмы
На розовом закате —
Звенят бубенчики псалмы
Как ручейки на скате;
И луч звезды и шаг коня
Идут согласно рядом.
Уже бубенчики звенят
Янтарным виноградом,
Уже верблюды встали в ряд, —
Смотри, — какие тучи!
Уже горбы их нам дарят —
Запас дождя летучий...
А в дальних зимах Декабря
Идут от хат до хаты —
Три белых Мальчика-Царя
С бородкою из ваты —
И носят золотой вертеп
Из тонкого картона, —
Но видит каждый, кто не слеп,
Звезду и их короны.

СВ. ГЕОРГИЙ

1

В заветной горнице иконной
Неотвратимые глаза,
И мчится всадник белоконный
И в злате Дева и Лоза.

2

И знает только эта Дева
От Змия — Башню заслоня,
За что люблю я это Древо
И позолоту и коня.

* Вариант этого стихотворения, под заглавием «Сотер» издан А. И. Немировским в «Новом мире» (1992, № 7, с. 99).

3

И знает только эта Дева,
Какие в башне черепа,
В каких пещер пустое чрево
Уводит розами тропа.

СВ. ВАСИЛИЙ БЛ.<АЖЕННЫЙ>

1.

Дракон монгольский, сребробронный,
В щетинах алых и золотых,
Копьем Георгия пронзенный
И свитый в кольцах неживых.

2.

Таким Блаженнейший Василий
На красной площади встает,
Когда к вечерни отзвонили
И сумрак разевает рот.

3.

Но Лебедь-Белая в драконе,
Душа славянская в плену, —
Подъемлет крестные ладони
— И купол скручен в плену!

4.

И по-утру — зарей омыты
Его былинные шатры.
И так ненужны и забыты
Чужие «Марко» и «Петры».

Неужели Ты будешь так жесток, что не пришлешь мне ни строчки из последних твоих стихов? Б.

2

Дорогой, глубоко и нежно-дорогой Вячеслав Иванович.

Спасибо, что отозвались, что не забыли меня. Спасибо и за внимание к моему «Василию Блаженному». Спасибо. За многое, многое хочу Вас поблагодарить — и делаю это мысленно, позвольте сказать — молитвенно.

Покойный отец мой носил имя в честь Св. Бл.<аговорного> Кн<язя> Михаила Черниговского —

Своим Вождем не даром мы зовем
Архистратига Неба — Михаила.
Пусть мы грешны, печемся о земном,
А Он — Святой и с Ним — Святая Сила,
Но знает всяк язык и племена —
Что на земле и в небе — цель одна.

У меня к Вам две просьбы, не сердитесь на них, прошу

1^о) Если можно, надпишите вложенный листок — титульный — Вашего «Прометей» и пошлите мне его обратно: — я его вклею в самую книгу, с которой никогда не расстаюсь.

2^о) Не найдется ли для меня хоть одного Вашего Римского (итальянского вообще) стихотворения? Как бы хотелось читать его именно здесь, пока я задержался еще немного в Италии!

Простите, что захотелось послать еще несколько стихотворных строчек. Если Вас не затруднит, попрошу очень — известить меня о том, получили ли Вы камею, которую посылаю при этом письме с okazjiей. (По почте посылать мне отсоветывал Алексей Максимович. Как я рад, что он высоко ценит не только стихи Ваши, но и философские произведения Ваши).

Адрес мой все тот-же: Capo di Sorrento. Massimo Gorki; — мне.

Господь наш и Его Святая Матерь да хранят Тебя и весь дом Твой Своею благодатью.

Недостойный, но вечно преданный и любящий верно

Борис Зубакин.

19 4/IX 27 Воскресенье

...И снова музыка не та,
В стихе, взволнованно пропетом!
О, посети навек Поэта,
Бетховенская глухота!

Чтоб этих улиц суета,
И лязг в разсцепленных моторах
Не доносили смертный шорох,
Смыкая вещи уста.

.....

— и еще одно очень давнишнее —

Куда, куда как не смешны
Забавы в сердце запоздалом!
Учись довольствоваться малым:
Улыбкой друга и жены.

Но ... — Ночь трясет на бубне сны,
И Смерть — хохочет над кружалом!
...Куда, куда как не смешны
Забавы в сердце запоздалом.